

ЖАНР АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ В ОСЕТИНСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А.Б. Бритаева

В представленной статье на материале произведений Музафера Дзасохова – известного современного осетинского писателя, поэта, публициста, переводчика, рассматриваются художественные особенности лирической прозы, а именно, автобиографической повести в осетинской детской литературе. Повесть «Весенние звезды» (1973) и ее продолжение – «На берегу Уршидона Барагун...» (1981) стали началом эпопеи о жизни отдельно взятой семьи, а на их примере – всей страны в тяжелые послевоенные годы. В качестве одной из важнейших констант художественного мира писателя рассматривается образ детства. В ходе анализа особое внимание уделяется преобладанию нравственного аспекта, актуализации проблемы регулятивно-воспитательной функции национального этикета, ценностно-нормативных ориентиров осетинской ментальности. С опорой на биографический и историко-генетический методы, основное внимание в исследовании акцентируется на темах послевоенного детства, роли семьи и общества в формировании нравственных ориентиров, в становлении личности, образе матери, теме памяти, а также на художественном осмыслении этих проблем и тем в автобиографических повестях писателя. Типологически воплощение «детской» темы в творчестве М. Дзасохова во многом опирается на традицию изображения детства в русской автобиографической прозе XX в. В заключительной части сформулированы выводы, отражающие особенности лирической прозы в творчестве М. Дзасохова, обозначено место автобиографических повестей автора в контексте осетинской детской литературы второй половины XX века. Актуальность и научная новизна работы обусловлены недостаточной исследованностью истории и проблем осетинской детской литературы. Результаты исследования могут быть использованы при написании истории осетинской детской литературы.

Ключевые слова: осетинская детская литература, лирическая проза, автобиографическая повесть, творчество М. Дзасохова, образ автора, лирический герой, образ детства.

Автобиографическая повесть – жанровая разновидность лирической прозы, которая, в свою очередь, является неким синтезом поэзии и эпоса. Лирическая проза характеризуется преобладанием в ткани повествования чувств и мыслей автора, его авторского «Я», эмоциональной оценкой

описываемых событий лирическим героем. Все события в произведении представлены через его восприятие.

Если обратимся к отечественному литературоведению, то само определение «лирическая проза» стало употребляться с выходом книги О. Берггольц «Дневные звезды». Хотя еще В.Г. Белинский отмечал, что «лиризм не существует сам по себе. Как отдельный род поэзии входит во все другие, как стихия, живет их, как огонь прометеев живет все создания Зевса. Без лиризма эпопея и драма были бы слишком прозаичны и холодно-равнодушны к своему содержанию» [1, 227]. Иными словами, лирическая проза как таковая существовала задолго до того, как ее определили, как термин. Вопросы дефиниции лирической прозы вызвали много споров среди исследователей-литературоведов. Некоторые из них отмечают, что термином «лирическая проза» зачастую пользуются не в жанровом смысле, а как стилевой характеристикой, обозначающей «нечто, написанное лирической прозой, эмоционально насыщенной и взволнованной» [2, 54]. Однако есть и прямо противоположное мнение. «Лирическая проза» – не стилевая характеристика произведения, а жанровая. Для нее свойственно повествование, пропущенное сквозь призму сознания героя. Все события, изображенные в лирической прозе, проходят через субъективный взгляд автора. Они излагаются в той последовательности и в том объеме, которые необходимы для отражения представления автора об окружающем мире» [3, 4]

Лирическая проза нашла свое отражение и в кавказских литературах, хотя утвердилась и не сразу, что отмечается в работе И.В. Мамиевой «В поисках слова: Автор и герой: динамика взаимоотношений»: «Цæгаткавказгаг литературæты дæр лиризм уайтагъд нæ бацахста фидар позицитæ. Фыццаг уал лирикон уылæн гæзæмæ фæхæццæ ис эпикон тыгъд дунейы нывтæм æмæ сæ фæцардхуыз кодта йæ хъарм комулæфтæй. Фысджытæ адæймаджы миддунемæ се 'ргом куыд тынгдæр здæхтой, афтæ лирикон хъуыдыкæнынад дæр хъæддыхдæрæй йæхиуæттæ агуырда, æмбарын кодта, йæ хъавд бæрзонддæр æнтыстытæм кæй у, уый» («И в северокавказских литературах лиризм не сразу занял прочные позиции. Поначалу лирическая волна прикоснулась к развернутым эпическим картинам мира, вдохнула в них жизнь своим теплым дыханием. Чем больше писатели поворачивались лицом к внутреннему миру человека, тем сильнее, мощнее становилось лирическое мышление, беря бразды правления в свои руки и намекая на то, что не собирается останавливаться на достигнутом. – *здесь и далее пер. наш.* – Б.А.) [4, 163].

В упомянутой работе И.В. Мамиева знакомит своего читателя с историей появления термина «лирическая проза» в отечественном литературоведении, а также обстоятельно излагает ее особенности на материале осетинской литературы.

Если обратиться к северокавказской детской литературе, то к успехам

лирической прозы можно отнести повести «Мой старший брат» А.К. Евтых, «Друг Гайто» В. Царукаева, «Весенние звезды» и «На берегу Уршдона Барагун...» М. Дзасохова и др., в которых сложные исторические события раскрываются через призму человеческой души, через переживания и впечатления подростка – лирического героя. «Тема детства в мировой художественной практике – одна из наиболее востребованных, различные ее аспекты – мать и дитя, ребенок и окружающая среда, природа и мир детства, память детства – отмечены единым нравственным содержанием, имеют универсально-константное значение. Но каждая эпоха и каждый геногеографический ареал привносят в интерпретацию темы свой психологический опыт и конкретно-исторический смысл» [5, 95].

Имя и творчество известного осетинского писателя, поэта, публициста, переводчика Музафера Дзасохова, принадлежащего к когорте осетинских писателей и поэтов, пришедших в литературу 60-х гг. XX века, известно не только в нашей республике, но и далеко за ее пределами. Он – представитель поколения детей войны, чьи отцы остались на полях сражений Великой Отечественной войны, на чьи неокрепшие еще плечи легла тяжелая сиротская доля. Все то, что ему и его сверстникам пришлось пережить в послевоенные годы, писатель отразил в повестях «Весенние звезды» (1973) [6] и «На берегу Уршдона Барагун» (1981) [7]. Позже были написаны и другие книги, продолжившие сюжетную линию названных повестей («Осетинский долг», «Сердце брата», «Птичье молоко», «Нынешние люди» и др.).

Как отмечает И.В. Мамиева, «важнейший поворотный этап в развитии лирической прозы связан с темой Великой Отечественной войны» [4, 179]. Именно с этой темой связаны произведения М. Дзасохова. Повествование в повестях выстроено на основе личных воспоминаний писателя. Но произведения не строго документальны, это отмечает и сам автор: образы – собирательные, не лишены художественного вымысла.

Познание, изучение жизненных процессов, сложных и противоречивых межличностных отношений, раскрытие внутренних переживаний, душевных терзаний человека – одна из главных задач литературы. Интерес писателей к «подростковой», детской теме обусловлен, прежде всего, открывающейся возможностью исследовать начальный, сложный и драматический процесс формирования человека, его мировоззрения, этических основ личности [8, 22].

Из повести в повесть Дзасохов прослеживает судьбу семьи, оставшейся сначала без отца (пропал без вести на фронте), а затем и без матери (погибла во время полевых работ). По сути, это биография многих семей в послевоенное время, а если брать еще шире – судьба страны, показанная через призму восприятия одного конкретно взятого подростка. «События, которые изображены в этой книге, происходят в селе Красногор, где жила моя семья. Только в этой книге село носит другое название, да и

в героях книги мои знакомые односельчане не всегда смогут узнать себя, поскольку у одно я взял одно, у другого – другое. Их разговоры, дела, человеческие качества тесно переплелись, но, если изображенные характеры выглядят достоверными, значит, я могу быть доволен», – писал автор в предисловии к книге «На берегу Уршдона» [9,147].

Одна из главных тем творчества М. Дзасохова – это тема матери. «Ни у кого не было такой матери, как у меня. Сказать, что у нее было мягкое сердце, – будет справедливо лишь отчасти, потому что она обладала еще и мягким голосом; такими же добрыми и мягкими были ее руки, взгляд, улыбка...», – пишет он в предисловии к одной из своих книг. Писатель с душевной теплотой, нескрываемой болью вспоминает и описывает образ матери, все то, что ей пришлось пережить, оставшись единственной кормилицей семьи. Трое детей, дом, хозяйство («трудно сказать, что чаще держали ее руки – иглу или топор»), тяжелая работа на колхозном поле, и, несмотря на все это, она находила силы и время обнять и приласкать детей, поговорить с ними. Она не зачерствела сердцем, пережив столько тяжелых испытаний судьбы: смерть троих детей, потерю мужа... И в жизни им ничего легко не давалось: не приживалась в доме скотина: все телята погибали. Казбек, словно взрослый, сетует на судьбу: «Фыдбылызтæн, æвæццæгæн, сæ фæндæгтæ махырдаæм уæрæхдæр сты...» («Видимо, дороги бед и горестей шире в нашу сторону») [6, 119]. Мама успокаивает плачущего над очередным теленком сына, хотя ей и самой нелегко: «Мауал ку, Гæбул!.. Цы бакæнæм? Нæ сæры бæсты фæцæуæд. Сыхах мын дзæбæх ут, æндæр та нæ фесæфдзыстæм. Æвæццæгæн нæм хуыцауæй æндæр амонд нæ каст» («Не плачь, Габул! Что поделаешь... пусть все наши беды уйдут вместе с ним. Лишь бы вы у меня здоровыми были, не пропадем. Что поделаешь, видимо нам богом не дана лучшая судьба») [6, 124]. Именно мама стала для троих детей примером трудолюбия, человеколюбия, стойкости духа... Таким образом, автор создал идеал осетинки: «добрая, гостеприимная, трудолюбивая, сдержанная, соблюдающая обычаи и этикет», смыслом жизни которой являются ее ети, ее «весенние звезды» [4, 185]. Взаимоотношения матери и сына занимают важное место в повести: они доверительные, нежные. Все поступки героя, которому поневоле пришлось рано повзрослеть, направлены на то, чтобы как-то облегчить жизнь матери, увидеть улыбку на ее лице, заслужить ее одобрение, быть предметом ее гордости. Наряду с успехами героя, автор не скрывает от своего читателя и его проступков, о которых он жалел даже спустя много лет. А жалел в основном из-за того, что огорчил маму, причинил ей боль своим поведением. Казбек – подросток, естественно, что он, как любой мальчишки, может и напроказничать, ошибиться. Но и в этой ситуации мама всегда рядом: где-то словом, а где-то немим укором, взглядом она направляет сына. Безграничная мягкость и доброта сочетаются в матери с требовательностью к сыну. Тяжелее всего мальчику бывает, когда мать

недовольна им и говорит, что Баппу (отец) бы не одобрил его действий (история со злополучным гусенком, яблоками Хадзыгуаши).

Образ отца сыграл немаловажную роль в становлении главного героя. Он незримо сопровождал сына всю его жизнь, был для него нравственным мериллом, все свои поступки он оценивал будто бы его глазами: «А что бы сейчас сказал отец», «а как бы он отнесся к этому» ... В детстве он жадно ловил каждое слово односельчан, которые вспоминали отца: «Мæ фыды кой чи ракъены, уый мæ хæрзгæнæг свæййы. Бæппуйы ном куы айхъуыстон, уæд лæгтæм мæхи хæстæгдæр байстон. Сæ ныхас мæм куыд хъуыса, уыйбæрц дæрддзæф сæм æрлæууыдтæн...» («Тот, кто вспоминает моего отца, становится моим благодетелем. Услышав имя Баппу (так он называл отца), я незаметно подошел к мужчинам, встав на таком расстоянии, чтобы слышать их разговор») [6, 10]. По воспоминаниям односельчан и рассказам матери, отец был очень веселым, острым на язык, ловким, умелым, любящая работа ладилась в его руках. Словно драгоценные бусины нанизывал Казбек эти воспоминания на нить своей памяти и берег как самое ценное сокровище.

Про отца часто говорили: «æнæдон ранæй дон рауадздзæн», «дурты бын дæр нæ амæлддзæн» («в безводном месте воду найдет», «даже под камнями не умрет»). Именно потому мальчик был уверен, что отец не даст себя убить. Что он живучий и везучий и обязательно вернется домой. Вся семья надеется на возвращение отца, ведь никто не видел его мертвым. И мать, и дети часто представляют, как он перешагнет порог дома, они вздрагивают от каждого стука в дверь. Габул (Казбек) часто мечтая об этом дне, доставал из заветного сундука матери вещи отца и примерял их. Когда мать застала его за примеркой, он испугался, смутился, будто совершила преступление. А все потому, что вещи отца были своего рода святыней, которую берегли пуще глаза. Щемяще трогательной представляется сцена, когда Казбек, решив сделать матери приятный сюрприз, решает убраться в доме. При этом мальчик испытывает двойные чувства. С одной стороны, он опасается, чтобы никто из сверстников и даже сестры не увидели, что он выполняет женскую работу – вдруг засмеют. С другой стороны, он предвкушает радость матери, мечтает увидеть улыбку на ее усталом лице. Во время уборки под печкой его рука натывается на что-то склизкое. Это оказалась банка с вишнями, сорванными давным-давно – сгнившими и покрытыми пылью и паутиной. Позже выяснилось, что это его сестренка спрятала их для отца.

Казбек, как взрослый мужчина, как старший брат, чувствует ответственность за младших сестер. Тому много подтверждений в тексте: он старается оберегать их, особенно жалеет самую младшую, которая и отца-то не узнала, родившись уже после того, как тот пропал без вести. Когда он заболевает, то первые его мысли о младших сестрах: а вдруг меня не станет, кто еще за них заступится, кто защитит от мальчишек... А как он

горд, что его взяли на работу, и он принесет домой первый трудовой день, горд тем, что догадался обменять пойманную рыбу на муку и этим обрадовать мать; тем, что ему, как взрослому, доверили колхозного коня Дудтула; тем, что сам смог сплести к приезду дяди новую калитку ... Даже в словах, в рассуждениях он подражает взрослым: «Наконец и в наш двор телега заедет» («Кæдæй-уæдæй мах кæртмæ дæр уæрдон батулдзæн»), ведь осетинская пословица гласит: если во двор не заезжает телега, значит дом беден («хæдзармæ уæрдон куы нæ тула, уæд – мæгуыр») [6, 27]; «Просить тяжело. Даже просить уголек. Лучше самому кому-то что-то давать» («курын цыфæндыйæ дæр зын у. Суанг зынг курын дæр. Фæлтау дæхæдæг искæмæн исты ратт») [6, 35]; «как говорит нана, покойников по очереди хоронят» («нанайы загъдау, мæрдтæ радыгай фæныгæнынц») [7, 174] и т.д.

Среди тех, кто помог встать Казбеку на правильную жизненную дорогу и Нана, бабушка Казбека, и брат матери Аламахситт, и Алихан и многие-многие другие. Большинство односельчан не остались равнодушными к судьбе сирот.

До глубины души трогает сцена того трагического утра, когда дети узнали о смерти матери. Мать попросила не сообщать детям до утра о ее смерти: пусть хотя бы эту ночь они еще поспят спокойно. И односельчане выполнили ее просьбу: все они молча стояли до утра у дома, ждали, пока дети сами проснутся. И только утром дети узнали, какое горе их постигло. И даже в такой трагической ситуации Алмахситт, брат матери, не теряет самообладания – обычаи и этикет превыше даже такого горя, он просит и племянника держать себя в руках.

«Музаферы æрыгон хъайтары царды фæндагыл чи сæвæрдта, уыдоны номхыгъдмæ ма хъæубæсты коллективон хъомыс куы бахæссæм, уæд дæр, æвæццæгæн, нæ фæрæдидзыстæм. Тызмæг историон рæстæджы адæм сæ уæззау зонд æмæ рæдау удты рухсæй батавтой сидзæрты зæрдæ, амьдтой сын, царды рæсугъд æмæ фыдуынд цы у, уый иртасын. Амьдтой – афтид зонды ныхæстæй нæ, фæлæ сæ царды фæтк æмæ æгъдауæй, сæ митæ æмæ архайдæй» («Думаю, не ошибемся, если внесем в список тех, кто помог юному герою Музафера выбрать верный жизненный путь, общее, коллективное влияние сельчан. В тяжелое историческое время люди своей мудростью и душевным светом отогрели сердца сирот, учили их отличать хорошее от плохого. Учили не нотациями и назиданиями, а личным примером, своими действиями, поступками, укладом своей жизни») [4, 181].

Но и люди бывают разными. Односельчане разделились для героя на два лагеря: те, которые всегда готовы ободрить добрым словом, вселить надежду, да и помочь конкретными делами, подать руку помощи (Алихан, Дзыгын, Замират, Бимболат, Хадизат, Бадзыга, Годзекка, Дзахират, Тотырбек) и те, кто не упускал случая обидеть, обокрасть, оболгать (Дадогга, Гадацци, Айсаду, Хъарасе). Хъарасе натравил свою собаку на маленького

теленка Таучеловых, покусанный теленок вскоре умер. Гадацци, для семьи которого когда-то Байма (Баппу) сделал столько добра, обходит их дом стороной, не помогает, а только вредит. Дадогга, которому в правлении колхоза поручили заготовить дрова для семьи Таучеловых, поленился ехать далеко в лес и привез им мокрые дрова, которые не разгорались. Семья была обречена на холодную зиму. Но Алихан в который раз не оставил семью друга и родственника без помощи, около суток в зимний холод добывал он для них дрова в отдаленном лесу. Некоторые односельчане не побрезговали и мародерством: когда немцы подходили к селу, мать Казбека вместе с детьми отправилась к родственникам в Ставд-Дурт, за время их отсутствия растащили их нехитрый скарб, унесли даже кровати, сапоги отца, не подумав об участи сирот, удалось лишь отнять у Хадзымуссы швейную машинку. Даже фашист, который встретился беженцам по пути, оказался человечнее этих односельчан: «Сырдыты 'хсаен дæр зæдтæ разыны, – арф ныуулаæфыд Дзæхирæт. – Мæгуыр йæ бон, уымæ дæр йæ бинонтæ æнхæлмæ кæсынц. Кæд æй, миййаг, хæцын нæ фæнды, афтæмæй рараст йæ хæдзарæй» («И среди зверей бывают ангелы, – глубоко вздохнула Дзахират. – Бедный, и его ждет его семья. Может он отправился на войну, но не хочет воевать...») [6, 97].

Незаметно, ненавязчиво писатель вплетает в сюжет знания об осетинских обычаях, этикете. Например, о том, что не пристало ребенку стоять рядом со взрослыми мужчинами и слушать их разговоры, о взаимоотношениях «старший-младший», о застольном этикете, сдержанности за столом (и это в те голодные годы!) и многое-многое другое. Л.А. Чибиров пишет об этой стороне творчества М. Дзасохова: «В прозе Музафера так мастерски описываются быт, культура, нравы родного села, что по ней можно изучать этнографию осетин середины и второй половины XX века» [10, 196]. Кроме этого повести насыщены сведениями о местной топонимике (Джермецыкк, Къобосты хъæд, Даргъхуымтæ, Хъæууат, Басилы хъæд, Куыройы дон, Хуыдзых и др.), ботаническими познаниями.

Музафер умело пользуется богатством родного языка – языка образного, отражающего народную мудрость. Выразительность языка передается им через множество пословиц, поговорок, преданий, помогающих раскрыть основную идею, в повестях много философских рассуждений о смысле жизни, о смерти, о счастье, добре и зле. Автор искусно вплетает их в повествование, они органичны и художественно обогащают произведения.

По законам жанра автобиографической литературы повести «Весенние звезды» и «На берегу Уршдона Барагун» лишены остродраматического сюжета, события показаны в виде некоего синтеза детского наивно-восприятия мира, событий и жизненного опыта взрослого писателя, описывающего события «давно минувших дней», при этом они, с одной стороны, гармонично дополняют друг друга, с другой – чувствуется про-

тивопоставление мира взрослых и мира детей. Повествование часто прерывается лирическими отступлениями, передающими внутреннее состояние героя. Лиризм повестей особенно ярко проявляется в тех местах, где раскрывается образ матери, а также в размышлениях героя, в его внутренних монологах (о весенних звездах, об Уршдоне, о природе и бережном к ней отношении). Таковыми в повести стали размышления о звездном небе весной. Весенние звезды для героя – символ светлого будущего, они манят его, как манит дорога в город – дорога к новой жизни.

Исследователи отмечают, что «желание авторов запечатлеть, остановить на некоторое время детство побуждает их выбрать особый способ воспроизведения событий, в котором важную роль отводится детализированному описанию разнообразных предметов и вещей; зрительная осязаемость описываемого также является одним из устойчивых компонентов художественного мира повестей о детстве» [11, 16].

Система персонажей в автобиографических повестях М. Дзасохова тоже имеет характерное для данного жанра построение: в центре – образ главного героя, остальные персонажи рассматриваются автором с точки зрения влияния на становление героя. Особая роль отводится, естественно, семье, односельчанам, наиболее повлиявшим на жизнь мальчика, как в лучшую сторону, так и в худшую, и, конечно же, сверстникам.

В свое время много рецензий и отзывов было на рассматриваемые повести. Они получили высокую оценку критиков, литературоведов. Были и нарекания и по поводу того, что автор недостаточно заботится о динамичности и занимательности сюжета. Действительно, это утяжеляет повествование, но в то же время не нарушает законы жанра. Новаторская автобиографическая проза М. Дзасохова стала заметным вкладом в развитие осетинской детской литературы. Тема детства в интерпретации автора опирается на традиции русской лирической прозы XIX и XX вв., в идейно-художественном осмыслении писателя приобрела особую актуальность.

---

1. *Белинский В.Г.* Разделение поэзии на роды и виды. Собр. соч. в 9 т. М., 1978. Т. 3. 614 с.

2. *Бальбуров Э.А.* Поэтика лирической прозы (1960-1970). Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1985. 132 с.

3. *Хизриева П.Р.* Лирическая проза и лиризм дагестанской прозы. Автореф. дисс...канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 23 с.

4. *Мамиева И.В.* В поисках слова: Автор и герой: динамика взаимоотношений. Владикавказ, 2008. 368 с.

5. Мамиева И.В. Образ детства в рассказах С.З. Хугаева // Известия СОИГСИ. 2016. №19 (58). С. 95-104.
6. Дзасохов М.С. Весенние звезды. Повесть. Орджоникидзе, 1973. 158 с.
7. Дзасохов М.С. На берегу Уршдона Барагун. Орджоникидзе: Ир, 1981. 272 с.
8. Бритаева А.Б. Внутренний мир подростка в прозе осетинских детских писателей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3 (78). С. 22-25.
9. Дзасохов М.С. Две жизни. Владикавказ, 2017. 415 с.
10. Чибиров Л.А. Имена: очерки. Владикавказ, 2017. 431 с.
11. Романова Н.И. Повесть Л.Н. Толстого «Детство» в контексте русских художественно-биографических повестей середины XIX века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 18 с.

Britaeva, Anzhela B. – V. I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC of RAS and the Government of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz, Russia); angelikabb@yandex.ru.

GENRE OF AUTOBIOGRAPHICAL NOVEL IN THE OSSETIAN CHILDREN'S LITERATURE

Keywords: Ossetian children's literature, lyric prose, autobiographical novel, M. Dzasokhov's work, image of the author, lyrical hero, image of childhood.

The present article examines the artistic features of lyrical prose, namely, autobiographical story in the Ossetian children's literature in the works of Muzafer Dzasokhov, a well-known modern Ossetian writer, poet, publicist, translator. The story «Spring Stars» (1973) and its continuation - «On the Bank of Ursdon Baragun ...» (1981) marked the beginning of an epic about the life of a family, and via their fates the author shows life of the whole country in the difficult post-war years. The theme of childhood is considered as one of the most important constants of the writer's artistic world. In the course of the analysis, special attention is paid to the predominance of the moral aspect, the actualization of the problem of the regulatory and educational function of national etiquette, the value and normative guidelines of the Ossetian mentality. The focus of the study is based on biographical and historical-genetic methods and highlights the themes of post-war childhood, the role of the family and society in the formation of moral guidelines, in the formation of personality, the image of the mother, the theme of memory, as well as on the artistic understanding of these problems and topics in autobiographical novels of the writer. Typologically, the embodiment of the «children's» theme in the works of M. Dzasokhov is largely based on the tradition of depicting childhood in Russian autobiographical prose of the XXth century. The formulated conclusions in the final part reflect the peculiarities of lyrical prose in the works of M. Dzasokhov, the place of the author's autobiographical stories is indicated in the context of Ossetian children's literature of the second half

of the XXth century. The relevance and scientific novelty of the work are due to insufficient research on the history and problems of Ossetian children's literature. The results of the study can be used in writing the history of Ossetian children's literature.

REFERENCES

1. Belinskiy, V.G. *Razdeleniye poezi i narody i vidy. Sobranie sochinenij. V 9 t.* [The division of poetry into genera and types. Collected works. In 9 vols]. Moscow, 1978, vol. 3. 614 p.
2. Bal'burov, E.A. *Poetika liricheskoy prozy (1960-1970)* [Poetics of lyrical prose (1960-1970)]. Novosibirsk, The science, Siberian branch, 1985.132 p.
3. Khizriyeva, P.R. *Liricheskaya proza i lirizm dagestanskoy prozy* [Lyrical prose and lyricism of Dagestan prose]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Makhachkala, 2005. 23 p.
4. Mamyieva, I.V. *V poiskakh slova. Avtor I geroy, dinamika vzaimootnosheniy* [In search of a word. Author and hero, relationship dynamics]. Vladikavkaz, 2008. 368 p.
5. Mamiyeva, I.V. *Obrazdetstva v rasskazakh S.Z. Khugayeva* [The image of childhood in the stories of S.Z. Khugaev]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2016, iss. 19 (58), pp. 95-104.
6. Dzasokhov, M.S. *Vesenniye zvezdy* [Spring stars]. Ordzhonikidze, Ir, 1973. 158 p.
7. Dzasokhov, M.S. *Na beregu Urshdona – Baragun* [On the bank of Ursdon – Baragun]. Ordzhonikidze, Ir, 1981. 272 p.
8. Britaeva, A.B. *Vnutrenniy mir podrostka v proze osetinskikh detskikh pisateley* [The inner world of a teenager in the prose of Ossetian children's writers]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii I praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2017, iss. 12-3 (78), pp. 22-25.
9. Dzasokhov, M.S. *Dve zhizni* [Two lives]. Vladikavkaz, Ir, 2017. 415 p.
10. Chibirov, L.A. *Imena. Ocherki* [Names. Essays]. Vladikavkaz, 2017. 431 p.
11. Romanova, N.I. *Povest' L.N. Tolstogo «Detstvo» v kontekste russkikh khudozhestvenno-biograficheskikh povestey serediny XIX veka* [L.N. Tolstoy's story «Childhood» in the context of Russian artistic and biographical stories of the mid-19th century]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Moscow, 2009.18 p.